

Щ
Ф
Р
Б
У
Р
С
К
И
Ф

Роман
Романов

18+

УЛИКИ

Роман Романов
Шербурские улики

«Автор»

2016

Романов Р.

Шербурские улики / Р. Романов — «Автор», 2016

«Шербурские улики» – авантюрная повесть с элементами детектива. Главный герой попадает в трудную жизненную ситуацию: он проигрывает большую сумму денег, его бросает любимая девушка. Персонаж совершает ряд рискованных действий, которые приводят к непредсказуемым последствиям. Сюжет насыщен неожиданными поворотами и от начала до конца держит читающего в напряженном ожидании развязки. Повесть рассчитана на широкий круг читателей, включая тех, кто любит разгадывать литературные паззлы, находить скрытые связи между фабулой повествования и другими текстами мировой литературы и кинематографа.

© Романов Р., 2016

© Автор, 2016

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	13
Глава третья	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

*Папа, папа, бедный папа,
Ты не вылезешь из шкапа,
Ты повешен нашей мамой
Между платьем и пижамой.*

(Название черной комедии реж. А. Маккендрика, 1967)

Глава первая

1

В тот вечер у дверей закрытого клуба «Lost in Paradise»¹ царило необычайное оживление. Десятки людей в карнавальных костюмах и масках со смехом принимали чудаковатые позы перед кучкой репортеров, а те энергично нацеливали на них объективы фотоаппаратов. Гости предстоящей вечеринки развлекались таким незамысловатым способом, ожидая, когда два дюжих охранника начнут их впускать по билетам.

Билеты эти, снабженные особыми водяными знаками, напечатали ограниченным тиражом специально для сегодняшнего мероприятия. На нем должен был инкогнито присутствовать сам король русской эстрады Филипп Киркоров. Говорили, что в живописном городе S. «звезда» планирует совместить гастроли со съемками нового видеоклипа. Предполагалось, что в клипе, неустанно сменяя друг друга, будут появляться и исчезать причудливые персонажи венецианского карнавала. Певец попросил организаторов устроить маскарад в одном из элитных заведений города, чтобы тайком выбрать удачные образы.

Чуть поодаль от шумной толпы стояла парочка, одетая скорее изысканно, нежели броско. Лицо мужчины в черной треугольной шляпе и длинном, до пят, черном плаще скрывала белоснежная атласная маска с резко очерченным профилем и глубокими впадинами для глаз. Изящную фигуру его спутницы подчеркивало «шахматное» черно-белое платье с лифом без рукавов. Серебристая маска, кое-где акцентированная хрустальными бусинами и увенчанная пышными белыми перьями, прикрывала лицо молодой особы на три четверти: ее чувственный рот оставался открытым. Время от времени губы дамы раздвигались в ироничной полуулыбке, и она негромко комментировала наряды приглашенных.

– Я недавно слышала, будто бы в городе совсем перевелись идиоты, – вполголоса сказала она, с любопытством провожая взглядом вновь прибывшего гостя – вульгарно покрашенного парня в образе Мэрилин Монро, – но вот гляжу на этого милашку, и меня одолевают сомнения.

– Дорогая, будь добрее к людям, – с коротким смешком, приглушенным маской, отозвался ее кавалер, – бедняга не виноват в том, что у него нет чувства стиля.

– Ну ладно этот нелепый трансвестит, – не унималась дама, – у мужчин вообще со вкусом проблемы. Но как женщина – вон, гляди, у самой двери, первая рвется в бой! – как может женщина натянуть такое? Разве это шляпа? Это какой-то катафалк с кладбищенскими васильками! У этой толпы странные представления о карнавальных костюмах. Могли бы ради интереса заглянуть в Интернет, увидеть настоящую венецианскую маску.

– Да ладно тебе, – засмеялся мужчина, приобнимая спутницу за талию, – тебя послушать, так только у нас двоих правильные костюмы.

– А что поделать, Антонио, если так оно и есть? – воскликнула дама, тряхнув перьями на голове. – Хотя нет – видишь вон того человека в маске с длинным носом? Это классический образ венецианского карнавала – «Доктор чумы».

– Мрачноватый персонаж для праздника, – пожившись, отозвался Антонио. Он медленно окинул взглядом мужчину с хищным клювом – тот как раз проходил мимо и на секунду повернул к ним лицо в зловещей маске с огромными круглыми глазами. На голове у него красовался высокий черный котелок, а худощавое тело полностью скрывал черный плащ, отчего человек еще больше походил на жутковатую долговязую птицу. В руках «доктор» держал длинную трость. Поравнявшись с Антонио, он внезапно протянул к нему трость и ловко схватил его запястье загнутой ручкой, отвесив изящный поклон. Тот от неожиданности вскрикнул и

¹ «Затерянные в Раю» (англ.; здесь и далее – прим. автора)

отскочил в сторону, так как почувствовал, что острая металлическая поверхность оцарапала ему кожу. Человек в птичьей маске расхохотался и неторопливо пошел дальше.

2

Организаторы гастролей Филиппа Киркорова выбрали для маскарада клуб «Lost in Paradise», потому что старинное здание, в котором он располагался, обладало рядом примечательных особенностей. Двухэтажный дом стоял в исторической части города – особняком, вдали от прочих строений. Новые хозяева тщательно отреставрировали полуразрушенное здание и оснастили его по последнему слову клубной культуры. Однако у них хватило ума сохранить дивную архитектуру постройки – своеобразная стилистика начала двадцатого столетия осталась нетронутой.

Проходя сквозь тяжелые входные двери с резными обрамлениями, человек попадал в огромную залу с мраморным полом. Массивные витые колонны подпирали лепной потолок. В центре его матово поблескивала исполинская люстра из муранского стекла. На стенах между стрельчатыми окнами висели торжественные зеркала ушедших веков. Когда же посетитель поднимался по широким каменным лестницам на верхний этаж, его словно засасывало в иное измерение пространства и времени. Внезапно он оказывался в ультрасовременном интерьере с его «кислотным» светом и хищно сверкающими поверхностями. Футуристическая мебель не имела ни одного прямого угла – казалось, она растекалась в невесомости. Потолок – то ли опрокинутое ввысь океанское дно, то ли преддверие ада – тоже подпирался колоннами, которые походили на мерцающие корпуса космических кораблей.

Готовясь к «венедианской» вечеринке, дизайнеры до неузнаваемости преобразили пространство помещения. С помощью передвижных панелей, легких экранов и искусного света они превратили нижний этаж *впалаццо* – итальянский дворец с анфиладами комнат, с множеством дверей, галерей и бесконечных лабиринтообразных коридоров. Одни из них вели в новые залы с холодноватым убранством, а другие приводили к ложным дверям, за которыми ничего не было.

Когда гостям наконец-то позволили войти, на всех экранах разом вспыхнули видеопроекции. Повсюду были грандиозные виды Венеции. Каналы и дворцы, неторопливые гондолы и юркие вапоретто, храмы и площади – все это кружило голову и зачаровывало своей вневременной красотой. В других комнатах демонстрировали фрагменты из цветной и черно-белой киноклассики: «Всё о Еве», «Венецианский купец», «Дети райка», «Смерть в Венеции». Некоторые экраны казались цельными, но в действительности состояли из тонких ниспадающих полос – через них можно было легко проскользнуть в соседнее помещение.

Веселая толпа рассыпалась повсюду с шутками и возгласами восхищения. Люди искали все новые комнаты, припрятанные в изысканном лабиринте дворцового пространства. Персонажи в костюмах и масках иных эпох появлялись в залах неожиданно, как привидения, и исчезали, «просачиваясь» сквозь экран. Порой их было невозможно отличить от героев кинопроекции – настолько удачно они вписывались в иллюзорный интерьер.

– Ну как тебе здесь, Антонио? – с улыбкой поинтересовалась дама. – Нравится?

– Ты еще спрашиваешь! – воскликнул тот. – У меня ощущение, будто я попал в какой-то фильм.

– Смотри не увлекись, – пошутила та. – А то растаешь, как только отключат проекторы.

– Да ну тебя, Коломбина,² – фыркнул Антонио. – Давай пойдем наверх, посмотрим, что там...

² Дама одета в традиционное платье и маску Коломбины – женского персонажа народного итальянского театра и венецианских карнавалов, поэтому Антонио так к ней обращается. Как правило, Коломбина – это соблазнительная, живая и умная горничная, которая любит свою хозяйку и остроумно покрывает ее проказы. Однако она не спешит демонстрировать свой природный ум на людях, скрывая его за комичным поведением и озорными выходками.

3

Побродив немного среди колонн-обманок и попытавшись открыть несколько фальшивых дверей, они наконец вышли к помпезной каменной лестнице, что вела на второй этаж. В центре ее неподвижно стоял человек в маске «Доктора чумы», тот, что неприятно взволновал Антонио на улице. Когда элегантная пара поравнялась с ним, он неожиданно обратился к даме.

– Мадам, – сказал он голосом, утерявшим свои естественные краски за слоем папье-маше, – мы ведь с вами уже встречались?

– Конечно, – с улыбкой ответила та, – прошлым летом в Мариенбаде.

– Ну разумеется, – чуть громче, но так же бесцветно воскликнул «доктор». – Я прекрасно помню эти белые перья, вы лежали среди них в своей постели. Рядом с дверью было большое, огромное зеркало, и вы его почему-то боялись...

– Прощу прощения, но нас ждут, – чуть натянутым голосом, в коем Антонио почудились ноты смущения, произнесла дама. Она поспешно отвернулась от человека в жуткой маске, взяла кавалера под руку, и они продолжили подъем.

– Куда же вы опять уходите? – приглушенно крикнул ей вслед «доктор». – Почему вечно ускользаете от меня?!

– Так ты знакома с этим типом? – с ревнивой подозрительностью поинтересовался ее спутник.

– Ну разумеется, нет, – улыбаясь, возразила Коломбина. – Мы на ходу сымпровизировали сцену несуществующих воспоминаний. Ведь сегодня всё здесь – *игра*... Гляди – мы вышли на знаменитую площадь Сан-Марко.

На огромном, в полстены, экране плескалась голубая морская вода. На ее поверхности мирно покачивались романтичные черные гондолы, привязанные у берега. Вдоль противоположной стены убегала в перспективу объемная проекция сказочного Дворца дождей, а в глубине площади на одном из палаццо красовалась надпись «Кафе Флориан». Перед кафе были выставлены столики, за ними сидели люди в масках и потягивали коктейли. Коломбина сказала, что тоже не прочь что-нибудь выпить.

Они подошли к барной стойке. Галантный бармен в позолоченной маске Кота любезно подал даме бокал шампанского. Он заметил, что именно этот сорт предпочитал пить Байрон – поэт, мол, частенько захаживал сюда, когда гостил в Венеции. Коломбина поблагодарила бармена за ценные сведения, снова оперлась на руку Антонио и неторопливо повела его вдоль «берега».

– Странно, меня как будто пошатывает, – с удивлением сказал молодой человек. – Пол в самом деле неровный, или мне это только кажется?

– В Венеции нет ровных поверхностей, ведь она целиком стоит на воде, – ответила его спутница. – Видимо, ты уже успел проникнуться духом города и сейчас чувствуешь то же, что и любой венецианец: будто земля уходит из-под ног. Наверное, поэтому жизнь им кажется такой зыбкой и непредсказуемой.

Коломбина отпила глоток шампанского, одарила Антонио загадочной улыбкой, а потом расхохоталась и весело добавила:

– Шучу! На самом деле это всего лишь зрительная иллюзия. Краем глаза ты замечаешь, как на экране постоянно движется море и раскачиваются лодки. Проекция сделана в натуральную величину и кажется очень реальной, поэтому у тебя невольно возникает ощущение неустойчивости. Сознание теряется, не знает, как себя вести, а тело само начинает искать устойчивое положение, оно хочет противостоять этому кажущемуся движению. В результате же ты получаешь обратное: тебя начинает нещадно штормить. А будь волны на экране посильнее, у тебя развилась бы морская болезнь...

4

Разговаривая, они приблизились к столику, за которым сидели Арлекин и Пьеро. Пьеро, одетый в воздушное белоснежное одеяние и маску с черной слезой, печально глядел в карты – он держал их в руке наподобие веера. Стройная фигура Арлекина была затянута в черно-красный костюм от Сезанна. Лицо он скрывал за маской, которую наискось перечеркивала лукаво-самодовольная улыбка. Он нервничал, ожидая, когда его меланхоличный партнер изволит сделать очередной ход, и нетерпеливо постукивал по столу костяшками пальцев.

Увидев проходившую мимо пару, Арлекин повернул к ним голову и неожиданно обратился к Антонио:

– Могу я предложить вам сыграть в карты? Я знаю одну любопытную игру – правда, я в ней всегда выигрываю.

– Если вы не можете проиграть, это уже не игра, – с прохладцей бросил через плечо молодой человек и собрался пройти мимо, но Арлекин поспешно сказал:

– Я могу проиграть – просто я всегда выигрываю.

– Не хотите попробовать, синьор Антонио? – предложила Коломбина, мягко останавливая спутника рукой. – Я с удовольствием понаблюдаю за вами.

– Ну ладно, если ты настаиваешь, – позволил уговорить себя Антонио. Ему и самому было любопытно, что за странную игру имел в виду Арлекин.

– Спасибо, сестра Коломбина, что убедили вашего друга составить мне компанию, – поблагодарил тот. – А то, боюсь, в обществе своего унылого приятеля я скоро усну.

Он жестом пригласил пару сесть напротив них и, бесцеремонно вырвав из рук Пьеро карты, феерично перетасовал колоду.

– Карты располагаются вот так, – сказал Арлекин, рядами выкладывая картинки сверху вниз. – Вверху – семь карт, далее – пять, три и, наконец, одна. Каждый игрок по очереди берет карты – столько, сколько захочет. Единственное условие: всякий раз брать только из одного ряда. Кто возьмет последнюю карту, тот проиграл. Извольте начинать.

Антонио несколько секунд внимательно изучал выложенный на столе треугольник, потом пожал плечами и быстро взял карту из верхнего ряда. Арлекин неторопливо убрал крайнюю из пяти карт второго ряда. Антонио уверенным жестом сгреб оставшиеся наверху шесть карт, а его противник утянул еще две из второго ряда. Антонио быстро очистил остатки этого ряда, взяв последнюю из пяти карт. Арлекин небрежно убрал две карты из третьего ряда, Антонио судорожно схватил единственную карту внизу. К этому моменту он уже успел понять, что проиграл, потому как на столе оставалось всего две карты из разных рядов.

– Вам просто повезло, – с усмешкой констатировал Антонио свой проигрыш. – Я не верю, что не смогу одержать верх в этой пустячной игре. И я это сделаю, будьте покойны. Продолжим?

– Как вам будет угодно, – с готовностью согласился человек, скрывающий лицо за маской с кривой ухмылкой. – Только чтобы повысить взаимный интерес, предлагаю играть на деньги. Вы не возражаете, сестра Коломбина?

– Я не могу распоряжаться капиталом синьора Антонио, – пожав плечами, отозвалась дама. – Только он может решать, как тратить свои деньги.

– Я согласен, – твердо произнес Антонио. – Огласите ставки, синьор.

– Предлагаю оценить каждую партию в десять тысяч рублей, – сказал Арлекин, пристально глядя на собеседника сквозь глазные прорезы в маске. – Вас устраивает такое условие?

– Вы, наверное, сошли с ума, – ошалело присвистнул тот, но почему-то добавил: – Впрочем, я могу себе позволить сыграть с вами несколько раз, даже если все проиграю. Так что раскладывайте карты и делайте первый ход, синьор Арлекин.

– С удовольствием, сударь, – с готовностью сказал тот. – Только давайте все же перед началом партии положим деньги на стол. Для чистоты игры.

Он вынул из потайного кармана две пятитысячные купюры и положил их на стеклянную поверхность. Дождавшись, когда противник аккуратно положит свою долю, Арлекин отделил от третьего ряда две карты. Антонио без прежней суеты отрезал от треугольника перевернутую вершину. Через несколько ходов он вдруг с радостным изумлением увидел, что последняя карта лежит перед его самонадеянным партнером. Со смехом сгребая выигрыш со стола, Антонио окинул победоносным взглядом Арлекина, и ему показалось, что даже ухмылка на его маске оплыла и стала грустной-грустной.

– Вас сгубила излишняя самоуверенность, дорогой Арлекин, – довольным тоном сказал победитель. – Ну что, продолжим? Коломбина, тебе не скучно наблюдать за грубыми потехами двух мужчин?

– Нисколько, синьор Антонио, – возразила та, допивая последний глоток шампанского. – Наоборот, эта абсурдная игра кажется весьма любопытной.

В течение следующих двух минут Антонио молниеносно проиграл двадцать тысяч рублей, но, тайком покусывая губы, упрямо отсчитал деньги для новой партии.

– Я заметила, что проигрывает тот, кто начинает, – шепнула ему на ухо спутница. – Мне кажется, в этот и состоит весь трюк.

– Синьор Арлекин, извольте начать партию, – вежливо, но твердо попросил партнера Антонио. И когда «непобедимый игрок» через несколько секунд снова позорно проиграл, он послал Коломбине торжествующий взгляд, в котором прочитывалась признательность за своевременную подсказку.

– Мне кажется, дорогой Арлекин, вы слишком рано присвоили себе лавры победителя, – с едва различимой издевкой произнес Антонио, аккуратно укладывая выигрыш в карман. – И еще, кажется, вы не любите начинать первым. Вас это нервирует. Поэтому извольте-ка снова сделать первый ход.

– С удовольствием, – сдержанно согласился Арлекин. – Мало того, вы можете указать мне, какую карту взять.

– Вот эту, – сказал Антонио, показав на крайнюю левую карту в верхнем ряду. Арлекин с готовностью выполнил указание партнера, но, к удивлению последнего, снова одержал верх. Потом он с легкостью обыграл Антонио еще четыре раза подряд, хотя неизменно начинал игру первым.

– Кажется, твоя теория первого хода не прошла испытание практикой, – слегка нервничая, сказал Антонио даме. – Будут еще какие-то соображения насчет того, как выиграть? А то у меня деньги начали подтаивать.

– Мне показалось, что синьор Арлекин в своих удачных партиях брал только четное число карт и каждый раз менял ряд, – поделилась своими наблюдениями Коломбина. – А вы уверены, Антонио, что не хотите остановиться?

– Нет, не хочу, – упрямо тряхнув головой, заявил тот. – Я должен отыграться.

– Ну хорошо, – сказала спутница Антонио, вставая со стула. – Пока вы отыгрываетесь, я немного прогуляюсь и, пожалуй, выпью еще шампанского. Желаю удачи.

Однако с уходом Коломбины удача окончательно отвернулась от Антонио. Он наугад пробовал применять то одно правило, то другое, но ничего не помогало – он стремительно проигрывал деньги. Когда Антонио отдавал невозмутимому Арлекину последние десять тысяч, руки его дрожали.

– Если хотите, можете сыграть в долг, – внезапно великодушно предложил Арлекин. – Коли повезет, отыграетесь, в противном случае возвратите деньги в другой раз.

Арлекин сквозь прорези в маске пристально смотрел своими черными глазами в лицо Антонио, и взгляд его был полон благожелательного поощрения. От этого взгляда Антонио почувствовал спокойную уверенность в своих силах и даже некоторое тщеславие оттого, что ему, незнакомцу без лица, оказывают такое доверие.

– Я согласен, – наконец сказал он.

– Отлично, – мягко произнес Арлекин. – Друг мой Пьеро, не затруднит ли вас записывать результаты наших партий, чтобы все было открыто и максимально точно?

По-прежнему не произнося не слова, плачущий Пьеро вынул из кармана несколько белоснежных листов бумаги, а из пышного манжета достал ручку в виде черного гусиного пера. Все это он беззвучно положил на стол и снова застыл в горестной позе, подперев щеку рукой. После каждой новой партии Пьеро на несколько секунд выходил из меланхолического погружения в себя, скрупулезно записывал проигрыш Антонио и снова замирал в неподвижности.

Словно замороженный, Антонио продолжал эту странную игру, не в силах остановиться. С легкостью потеряв сто тысяч уже несуществующих рублей, он даже не подумал о том, что это сумасшествие следовало бы прекратить. Молодой человек лишь попросил минутную передышку и огляделся в поисках своей элегантной спутницы. Ему хотелось, чтобы она вновь сидела рядом и давала советы, пусть даже они не всегда приводили к выигрышу. Однако он не увидел Коломбины среди веселых гостей. Вместо нее он с неприязнью в душе заметил «Доктора чумы» – тот в одиночестве сидел чуть поодаль и потягивал коктейль. На краткий миг их взгляды пересеклись, но Антонио тут же поспешил отвести глаза и вернуться к игре.

Когда долг обезумевшего молодого человека достиг почти трехсот тысяч, он внезапно выиграл три раза подряд. С радостью в сердце Антонио ощутил, что вот-вот одержит полную победу, и его охватил недобрый азарт. Он совершил последний отчаянный нырок в игру, чтобы в один момент вдруг очнуться и понять: произошло нечто столь же страшное, сколь и нелепое.

– Дорогой синьор Антонио, – бесстрастно произнес Арлекин, мгновенно приводя его в чувство, – желаете еще попытать счастья или хотите завершить игру? Вы проиграли шестьсот восемьдесят тысяч рублей.

– Шестьсот восемьдесят тысяч? – глухим голосом переспросил Антонио. Он почувствовал, как вся кровь отлила от его лица. – Неужели так много?

– Именно столько, – спокойно подтвердил Арлекин, подавая ему записи ходов, которые сделал молчаливый Пьеро. – Извольте ознакомиться.

– Да, все верно, – прошептал молодой человек, отказываясь поверить в то, что собственноручно загнал себя в ловушку. – Но у меня нет таких денег.

– Ну разумеется, – с готовностью сказал Арлекин. – Мы же договорились, что вы вернете долг позже. Когда вам будет удобно передать нам сумму?

– Я... я не знаю... для меня это огромные деньги, – заикаясь от ужаса, пролепетал Антонио. – Я столько и за год не заработаю.

– Ну же, дорогой Антонио, не будьте ребенком, – сказал Арлекин. Голос его мгновенно стал металлическим, а лукавая улыбка на маске, казалось, превратилась в презрительную усмешку. – Мы не намерены столько ждать. Максимальный срок, который мы можем вам дать на поиски денег – четыре месяца. Тридцать первого октября вы передадите мне в руки ровно шестьсот восемьдесят тысяч рублей. В противном случае мы будем вынуждены положить вас на операцию по удалению почки. На ваш выбор – правой или левой. Мой друг Пьеро срочно нуждается в пересадке почки и не может ждать бесконечно. Ведь правда, мой друг?

Вместо ответа печальный Пьеро извлек из-под пышной блузы черный кожаный футляр, вытащил из него ослепительный нож для разделки мяса и флегматично положил на стол поверх разбросанных карт.

– Дорогой синьор Антонио, – мягко сказал Арлекин онемевшему от страха игроку, – сейчас вы напишете расписку, что обязуетесь вернуть в срок проигранные деньги или в качестве эквивалента передать свой внутренний орган в пользу страждущих. И не заставляйте нас самих делать операцию. Поверьте, у нас это получится намного хуже.

Будто во сне, Антонио неровным почерком написал на листе бумаге текст, который методично продиктовал ему Арлекин, поставил подпись и трясущимися руками передал расписку

Пьеро. Тот свернул ее в несколько раз, аккуратно убрал в футляр вместе с ножом, и все это снова исчезло в складках его белоснежной одежды.

– Ну а теперь – веселиться! – воскликнул Арлекин. – Карнавал в разгаре!

5

Столик с парочкой персонажей остался в глубине площади. Стараясь сохранять внешнюю невозмутимость, незадачливый игрок двигался вдоль «береговой линии». Он то и дело наткался на веселых участников вечеринки. Ноги Антонио были словно набиты ватой, его в самом деле нешуточно «штормило», однако он отчаянно пытался не терять твердость походки.

Внезапно Антонио ощутил на себе чей-то пристальный взгляд. Он обернулся и с содроганием увидел, что за ним на некотором расстоянии следует «Доктор чумы» со своей неприятной тростью в руках. Стараясь не поддаваться панике и не броситься наутек, Антонио незаметно прибавил шаг. «Только бы добраться до лестницы, – думал он, – а там уже можно и деру дать – к черту условности!»

Дойдя до лестничного пролета, синьор Антонио еще раз огляделся. Человек с птичьим носом все так же настойчиво следовал за ним. Уверенно лавируя среди людей в маскарадных костюмах, он тоже набирал скорость и определенно намеревался его догнать.

Не в силах больше сдерживать себя, Антонио ринулся по ступеням вниз. Ему было необходимо опередить «доктора», чтобы успеть затеряться в лабиринте комнат и коридоров палатца. Ступив на мраморный пол нижнего этажа, он рванулся к первой двери, что вела во дворец, но это оказалась обманка. Антонио бросил испуганный взгляд назад – «доктор» был на середине лестницы, всего в десятке метров от него.

В отчаянии Антонио попытался открыть следующую дверь – к счастью, ему это удалось. Он проник в комнату, где на экране демонстрировали фрагмент из фильма «Семь». Герои картины как раз обнаружили на месте убийства фотографию с изображением весов, на одной чаше которых лежал окровавленный кусок человеческого мяса. «Черт возьми, какой идиот решил это сейчас показывать?!» – со злобой подумал Антонио.

В два прыжка беглец очутился у противоположной двери и изо всех сил дернул ее. Дверь открылась. Он выскочил в мрачно освещенный коридор, что разбегался в разные стороны. «Главное, не попасть в тупик», – мелькнула лихорадочная мысль. Он свернул налево. Ему снова повезло: дверь в конце сумрачного ответвления вела в пустую комнату – ее пространство образовывали четыре экрана. Больше дверей здесь не было, поэтому либо помещение было тупиковым, либо через один из экранов можно было проскочить.

На всех четырех стенах в эту минуту синхронно проецировался один и тот же эпизод из какого-то фильма ужасов. Человек в черном плаще с капюшоном, чье лицо скрывала страшная белая маска с круглыми прорезями для глаз и рта, заносил над невидимой жертвой увесистую палку. Антонио наугад бросился к одному из экранов и «нырнул» в него в тот момент, когда орудие киношного убийцы неумолимо опустилось ему прямо на голову...

Глава вторая

1

Антон Купцов через силу открыл глаза и с большим трудом пошевелил затекшей шеей. Похоже, что он всю ночь проспал в одной, предельно неудобной позе: на животе, подмяв под себя руку и уткнувшись носом в стену. Именно так, вконец обессиленный, он вчера упал на диван. По частицам собрав утраченные во сне ощущения тела, Антон почувствовал, что у него нестерпимо болит голова. Казалось, что за ночь под черепной коробкой разросся могучий куст шиповника с налитыми сгустками багровой боли вместо ягод.

Довольно скоро Купцов понял причину своих страданий. Он вспомнил, как посреди ночи в холодном поту примчался домой и, догадываясь, что не уснет без хорошей дозы успокоительного, в два приема осушил полбутылки коньяка. В тот момент он не думал о последствиях, иначе вряд ли поступил бы так неосмотрительно. Эвита всегда говорила, что с коньяком нужно быть осторожней: вроде бы он облегчает существование и окрашивает жизнь в праздничные тона, но на самом деле это только иллюзия.

– На вкус он как раскаяние, – однажды глубокомысленно заявила она, чередуя короткие глотки коньяка с длинными затяжками сигаретного дыма, – однако именно раскаяние он и развеивает в первую очередь.

Купцов не знал наверняка, принадлежат ли эти слова Эвите или это одна из экранных цитат: она их знала наизусть в огромном количестве. Кино было их общей страстью, но обычно только Эвита украшала разговоры фразами из просмотренных вместе картин. Она делала это всегда к месту, непринужденно и естественно – ее трудно было уличить в плагиате. Если же цитировать принимался Антон, у него это выходило крайне неуклюже. Чужая фраза в его устах звучала нелепо и в живой беседе воспринималась инородным телом. Эвита тут же могла со смехом назвать фильм, из которого Антон выудил фразу, и обязательно добавляла, что взятые напрокат слова необходимо изменять, прилаживать к контексту, окрашивать собственной интонацией – только в этом случае цитата произведет хорошее впечатление...

Совершив долгое движение одеревенелой шеей, Купцов осторожно перенес голову на противоположный край дивана и прижался к подушке другой щекой. Антон окинул полусонным взглядом комнату – она была в полном беспорядке. Увидев на полу части маскарадного костюма, Антон вспомнил, по какому поводу решил напиться на ночь глядя: конечно же, чтобы не сойти с ума после всех ужасов вчерашнего карнавала. Купцов припомнил, как Пьеро с Арлекином выманили у него всю наличность и вогнали в долг своей карточной игрой. И как потом его преследовало страшилище с птичьим клювом. Благо, Антону посчастливилось быстро найти выход из лабиринта. Он стремглав выбежал из клуба и благодаря черному плащу слился с ночным мраком. Но все равно умирал от страха, когда стрелой мчался по улицам, лишь бы унести от «доктора» ноги.

От пережитых потрясений Антон забыл о том, что позорно оставил на вечеринке свою даму и даже не подумал отыскать ее. Впрочем, черт побери, дама это заслужила: не ей ли взбрело в голову, что она-де непременно попадет в клип к Киркорову, если явится вся разодетая на этот бал-маскарад? Не она ли почти силой вынудила Антона составить ей компанию, вырядив его в идиотский карнавальный костюм? Купцов пытался убедить Эвиту, что вся шумиха вокруг «звезды» – чистой воды фикция, рекламный способ вытрясти из народа деньги. Шутка ли, вход в этот балаган стоил двадцать тысяч. Ну ладно завсегда таи клуба, у них бабла немерено. А каково было ему, студенту, сначала выкинуть двадцатку на билет, а потом махом проиграть семьдесят тысяч? И в придачу не во сне, а наяву стать невольным героем какого-то второсортного триллера. Ладно, он всё выскажет даме по поводу венецианского кошмара, в который умудрился попасть по ее прихоти!

Однако, судя по всему, Эвита так и не возвращалась с карнавала, иначе квартиру уже давно заполнил бы всепроникающий аромат вьетнамского кофе: она обычно пила его по утрам. А что если певцу и вправду понравился образ Коломбины, и она весь остаток ночи снималась в пресловутом клипе? Да нет же, бред все это: не было в клубе никакого Киркорова, ясно ведь как божий день. Наверное, Эвита просто заночевала у одной из приятельниц, столь же таинственных, как она сама.

Антон попытался себе представить реакцию Эвиты, когда она поняла, что кавалер безнадёжно исчез с вечеринки – «растаял», как она давеча пошутила. Наверное, пришла в ярость из-за того, что он оставил ее посреди ночи одну в этом странном месте? Или же до утра грустно философствовала у подружки на прокуренной кухне, доказывая сквозь зевоту, что «все мужики – сволочи» и Антон Купцов в их числе. Нет, конечно, это совсем не в ее характере. Эмоциональные бури, как и поверхностная бытовая философия, были уделом обычных женщин. А Эвита была женщиной исключительной, само ее имя свидетельствовало об этом.

– Эвита в переводе с испанского означает «маленькая Ева», – в первый же день их знакомства сообщила она Антону, разрезая на две половинки яблоко – единственное, что он обнаружил из съестного у себя в холодильнике. – Имя с самого начала определило мое главное предназначение – заманивать мужчин в райские кущи, потом изгонять их оттуда и заниматься прочим мелким разрушительством.

– Звучит неплохо, – одобрил Антон, надкусывая свою половину яблока. – Что планируешь разрушить в ближайшее время?

– Тебя.

– Тоже интересно, – усмехнулся Антон. – Только у тебя не получится, я слишком здравомыслящий человек. Да и ты на маньячку не похожа – выглядишь вполне нормальной девушкой.

– Ну, много чего кажется нормальным до поры до времени. А потом – бац! – и нормальное превращается в нечто странное. – Эвита элегантно прилегла на диван и легонько похлопала ладонью по свободному месту рядом с собой. – *Come, husband, lie by me...*³

2

Мощные струи холодного душа медленно возвращали Антона к жизни. Мысль о том, что на кухне его ожидает свежесваренный зеленый чай, делала постпьяное существование вполне сносным. Сейчас, когда от событий безумного карнавала его отделяла целая ночь; когда его надёжно защищали стены квартиры – сейчас Антон уже готов был весело посмеяться над своими вчерашними страхами. Ну надо же, как ловко он купился на этот розыгрыш с карточным долгом! А «Доктор чумы» – надо отдать должное его актерскому таланту – сумел напугать Антона до полусмерти, хотя наверняка под той чудовищной маской скрывался милейший человек. Если бы Антон внимательнее слушал Эвиту, то вряд ли попался бы на удочку этих мистификаторов. Ведь она с самого начала предупреждала, что все происходящее вокруг – *лишь игра*. Не более чем жизнеподобная иллюзия.

Кстати, не пришло ли время немного потревожить Эвиту, мелькнуло у Купцова в голове, когда он растирал полотенцем кожу, горевшую от ледяной воды. Напомнить о себе телефонным звонком и поблагодарить за обилие острых ощущений. Антон вернулся в комнату, отыскал под одной из подушек сотовый телефон и взглянул на экран, надеясь увидеть новое сообщение или же уведомление о пропущенном звонке. Ничем подобным мобильник его не порадовал, поэтому он сам набрал номер Эвиты. Оператор вежливо сказал, что телефон абонента «выключен или находится вне зоны доступа», а потом заискивающим голосом добавил, что надеется на

³ «Приди, муж, возляг со мной...» (*англ.*) – фраза из фильма «Эдемский сад» (2008), снятого по одноименному роману Э. Хемингуэя. В цитате использованы грамматические конструкции староанглийского языка, которые и сегодня в стилистических целях применяют при пересказе библейских историй и т.п.

понимание Антона. Разумеется, Антон все понимал: если Эвита до рассвета болтала с подругой, да еще под аккомпанемент винных бокалов, то теперь она проснется не раньше полудня.

Не успел Купцов сделать несколько глотков чая, как из комнаты послышалась бодрая мелодия звонка. Подосадовав на себя за то, что не захватил мобильник на кухню, Антон подбежал к дивану и схватил телефон.

– Алло? – жизнерадостно сказал он, ожидая услышать голос Эвиты.

– Доброе утро, Антон, – раздался в трубке незнакомый мужской голос. – Есть ли у вас несколько минут для разговора?

– В общем-то, да, – с сомнением ответил Купцов, подозревая, что звонит один из назойливых рекламных агентов. – С кем имею честь беседовать?

– Если вам необходимо как-то обращаться ко мне, можете называть меня «господин Никто», – самым серьезным тоном предложил мужчина, – но мы можем обойтись и без этих формальностей.

– Что за шутки? – холодно поинтересовался Антон. – Я не люблю говорить по телефону с неопознанными объектами.

– Тогда я буду максимально краток, – великодушно пообещал собеседник. – Я звоню, чтобы напомнить о карточном долге в шестьсот восемьдесят тысяч рублей и вашем любезном согласии вернуть деньги до тридцать первого октября сего года.

– Может, уже хватит меня разыгрывать? – с нарастающим раздражением произнес Антон. – Веселый маскарад закончился, товарищи клоуны, и началась обычная скучная жизнь.

– Боюсь, вы меня не совсем поняли, господин Купцов, – вкрадчиво сказал голос из трубки. – Никакого розыгрыша не было. Были четко оговоренные условия игры, и вы их добровольно приняли. Передо мной лежит расписка с вашей подписью. Вы пишете, что обязываетесь вернуть денежный долг или же пожертвовать одной почкой для трансплантации. Все максимально прозрачно и честно.

– Вы что, издеваетесь? – рявкнул Антон. – За полоумного меня держите? Все, поиграли – и достаточно.

– Нет, это, скорее, *вы* нас принимаете за деревенских дурачков, господин Купцов, – почти ласково возразил мужчина. – Вы, вероятно, подумали вчера, что, надев маску, сможете безнаказанно играть с нами в кошки-мышки? Что мы никогда не сумеем вас разыскать? И поэтому вы можете злоупотреблять нашим временем и доверием? Боюсь вас разочаровать, Антон, но вы ошибаетесь. Мы знаем, кто вы, где учитесь и работаете, мы знаем ваш адрес и номер телефона – в последнем вы наверняка уже убедились. И мы знаем вас в лицо. Поэтому вам *придется* отдать нам деньги.

– Это блеф, – как можно тверже попытался произнести Антон, но внутри у него все оборвалось. – Вы ничего от меня не получите. Вам ясно?

– Не торопитесь нарушать данное слово, – дружелюбно сказал «господин Никто», – иначе мы сильно усложним вам жизнь. Тогда никто не сможет поручиться ни за вашу безопасность, ни за ваше здоровье.

– Я подам на вас заявление в полицию, – сквозь зубы процедил Купцов.

– На кого? На Пьеро и Арлекина? – с едва различимой насмешкой в голосе поинтересовался его собеседник. – В любом случае, не рекомендую вам связываться с правоохранительными органами. Иначе еще до того, как ваше заявление будет зарегистрировано, вы можете попасть в очень неприятную ситуацию. Подумайте о тех, кто вас любит и хотел бы всегда видеть живым и здоровым. И о том, как поскорее найти деньги. До встречи, господин Купцов!

Связь прервалась прежде, чем Антон успел произнести еще хоть слово. Дрожащими пальцами Купцов добрался до папки входящих звонков – узнать номер вымогателя. Но выяснил только, что номер был не определен или подавлен. Что ж, вполне предсказуемый поступок

со стороны мошенников, с горькой усмешкой подумал Антон. Получается, что отныне он будет постоянно находиться на прицеле у людей-невидимок.

Словно подтверждая мысли Купцова, тут же с неопознанного номера поступило sms-сообщение: вымогатели прислали Антону его собственную фотографию, что была сделана во время прошлогоднего автобусного тура по Европе. На снимке он стоял, широко улыбаясь, перед памятником Хичкоку. Антон не мог найти разумного объяснения тому, как эти негодяи раздобыли фото. Он никогда не выставлял его в соцсетях и хранил не в компьютере, а на съемном диске, в архиве путешествий. Впервые Купцова посетила неприятная мысль, что стены его дома – не такая уж надежная крепость.

3

Настроение у него было безнадежно испорчено. Отпустившая было головная боль вернулась и заново впиалась стальными пальцами в виски. Антон возвратился на кухню, боязливо прислушиваясь к шагам на лестничной площадке. Без всякого удовольствия залпом допил остывший чай, мрачно посидел несколько минут у стола, затем подошел к бару и достал из него спасительную бутылку коньяка. К счастью, она была еще на треть полна. На этот раз Купцов поступил осмотрительнее: он не стал заглатывать коньяк прямо из горлышка, а плеснул янтарную жидкость в пузатый бокал и стал отпивать маленькими глоточками. Просто чтобы привести в порядок мысли и чувства.

Силой воли (но и не без магии спиртного) уняв внутреннюю дрожь, Антон попытался хладнокровно проанализировать ситуацию. Прежде всего, Купцов хотел понять, откуда клубные «игроки» узнали, кто он такой. Во-первых, он никогда раньше не был в этом заведении. Во-вторых, даже если предположить, что мошенники все же знали его, встает вопрос: как они догадались, кто скрывается под маской? Ведь на вечеринке он ни на секунду не приоткрыл лица. Вычислили по голосу? Вряд ли: маска настолько искажала природный тембр, что Антон сам себя никогда не опознал бы. Его настоящее имя во время игры ни разу не прозвучало, паспортные данные на входе никто не требовал, расписка тоже не содержала никаких биографических сведений. Мимо столика Арлекина они с Эвитой прошли совершенно случайно, и вообще в игру Антон ввязался лишь благодаря секундному порыву. Однако, несмотря на все это, факт остается фактом: каким-то загадочным образом преступники были заранее осведомлены о его личности. Либо навели о нем справки сразу же после того, как он сбежал из клуба. Если последнее предположение верно, то тогда кто был их осведомителем?

Разгоряченная алкоголем фантазия Купцова тут же нарисовала ему возможную версию ответа: а что если в дело замешан «Доктор чумы», который так назойливо попадался ему на глаза? Если это так, становится ясно, с какой целью он ошивался возле карточного столика, почему пристально смотрел на Антона, пока тот играл, и зачем потом пытался его преследовать. Вполне вероятно, что человек с клювом постоянно держал Купцова в поле зрения, сам при этом оставаясь невидимым – ведь он тоже был одет в черный костюм, неразличимый в ночи. Он мог «проводить» Антона прямо до подъезда, а то и до квартиры, а уж раздобыть сведения о жильце было делом техники. Что ж, эта версия имела право на существование, хотя и не объясняла, каким образом мошенники завладели фотографией Купцова...

Антон прервал размышления и вновь наполнил бокал. Коньяк постепенно делал свое дело: приятно расслаблял изнутри и возвращал бытию если не радужные, то вполне терпимые краски. Головная боль понемногу сдавала позиции, и попутно из души Купцова уходило раскаяние в ночном пьянстве. Словом, всё, как говорила Эвита (или тот, кого она цитировала).

Антон потянулся к телефону и еще раз набрал ее номер. Услышав, что сотовый Эвиты снова находится в сети, он улыбнулся: девушка наконец-то проснулась. Слушая мерные гудки, Купцов мысленно ее подбадривал: ну же, сестра Коломбина, давай, возьми трубку. Однако

Эвита на звонок так и не ответила. Антон решил, что теперь она, наверное, принимает душ или чем еще там может заниматься женщина по утрам.

Он взял с собой в комнату бутылку с остатками коньяка, поставил на пол возле дивана и прилег, бросив в изголовье несколько разноцветных подушек-«думочек». Одну из них, в виде обнаженных женских грудей, собственноручно сшила Эвита. Именно на эту подушку – между двух пышных розовых холмов с яркими сосками-вишенками – возложил Антон свою многострадальную голову.

– Стоп, – внезапно сам себе сказал Купцов, сделав очередной глоток, – как я только что назвал Эвиту? *Сестра Коломбина*? С чего бы это?

Антон нахмурился и максимально сосредоточился, чтобы вспомнить, откуда он взял эти слова. Купцов не сомневался, что слышал их совсем недавно, но никак не мог сообразить, кто их произносил и по какому поводу. Однако через нескольких минут на Антона снизошло озарение: ну конечно же, так обращался к Эвите Арлекин! Причем не один раз, а несколько – поэтому словосочетание ему и запомнилось. Еще не вполне осознавая, почему его так взволновало это открытие, Антон резко принял вертикальное положение. Ему необходимо было понять, случайно ли Арлекин называл Эвиту в образе Коломбины *сестрой* или же в этом присутствовал некий потаенный смысл.

4

По запросу Купцова, Яндекс вывалил перед ним тысячи изображений, на которых красовалась карнавальная парочка – Коломбина и Арлекин. Сюжетов с их участием было невообразимое количество: они весело танцевали, пили вино в харчевне, обнимались, шептались при луне, катались в гондоле, дрались, при свечах плели дворцовые интриги, музицировали, украдкой целовались в сдвинутых набок масках и даже совсем не по-братски занимались любовью, разбросав повсюду свою мгновенно узнаваемую одежду.

Антон сразу заметил, что костюмы обоих героев итальянского театра были удивительно схожи благодаря характерному узору из цветных или черно-белых ромбов. Иногда узор покрывал их с головы до пят, а порой проскальзывал лишь в маске или какой-то детали нарядов. Бывало, что ромбы превращались в шахматные квадратики, но в том или ином виде эти фигуры неизменно присутствовали в костюмах Арлекина и Коломбины. Возможно, стилистическая схожесть одежды свидетельствовала об их тайном родстве.

Купцов зашел на сайт Википедии, чтобы получше ознакомиться с этими любопытными персонажами. Собрав воедино разрозненные сведения из разных источников, он узнал примерно следующее:

Коломбина и Арлекин, влюбленные друг в друга, были слугами других героев национального театра: девушка состояла при некоем Докторе, а парень батрачил на кого придется. Поначалу Коломбина была одета в красивое пышное платье и лишь в более позднем театре, начиная с восемнадцатого века, стала частенько появляться на публике в платье из заплата, разительно похожем на костюм Арлекина. С этих пор она сделалась как бы зеркальным отражением своего спутника, его постоянной подругой и женой. Она уверенно манипулировала Арлекином, который был весел и жизнерадостен, но далеко не так умен, ловок и изворотлив, как его подруга, а потому легко совершал глупости. Часто Коломбина оказывалась единственным «интеллектуальным» персонажем на сцене. Обладательница острого и живого ума, она охотно принимала участие в интригах своего хозяина. Для того чтобы помочь ему достичь той или иной цели, Коломбина могла вместе с природным обаянием пустить в ход хитрость и коварство, ибо хорошо знала, что для выживания в обществе необходимо уметь лицемерить и лгать. Время от времени Коломбина строила контр-заговоры и против самого Доктора, а

параллельно служила связующим звеном между молодой женой хозяина и ее возлюбленным, способствуя их тайным встречам на стороне.

Ссутулившись перед монитором, Антон нервно постукивал пальцами по клавиатуре и задумчиво глядел в окно. Он пытался осмыслить полученные сведения, а заодно соотнести их с конкретной жизненной ситуацией, в которую так глупо попал. Купцов боялся предстать в собственных глазах параноиком, но почему-то в его сознание упорно вклинивалась одна гадкая мысль: а что если во всей этой темной истории замешана девушка в маске Коломбины? Иными словами, Эвита, дама его сердца. Если предположить, что она действовала в паре со своим «братцем» Арлекином (которого, конечно же, знала еще до маскарада), то тогда многое становилось понятным. Например, кто снабдил его фотографией Антона и всеми приватными сведениями о нем; кто как бы случайно привел простодушного юношу к столику с картами и ненавязчиво поспособствовал тому, чтобы он проигрался в пух и прах. Но зачем, спрашивается, она все это сделала? Разумеется, ради немалых денег: Купцов теперь вынужден отдавать их этой троице негодяев – Арлекину, Коломбине и Пьеро. Если, конечно, они не работали на кого-нибудь еще. Ведь согласно театральной традиции, хитрая девушка прислуживала некоему Доктору. Тогда почему бы не допустить, что боссом криминальной шайки был «Доктор чумы»? Возможно, так оно и есть, ведь на карнавале он обменивался с Эвитой загадочными фразами. Это могло быть шифрованное сообщение о готовности к «операции», иными словами, выколыванию денег из бедного студента...

– Все, кончай строить домыслы! – сам себе приказал Антон, отрываясь наконец от компьютера. – Надо выпить и трезво оценить ситуацию. Хватит проводить бредовые параллели между интригами театральных масок и кознями реальных людей. Так и в психушку угодить недолго.

5

Купцов снова улегся на диванные подушки с бокалом в руках и в очередной раз попытался дозвониться до Эвиты. Безуспешно: ее телефон по-прежнему находился вне зоны доступа. Не было даже длинных гудков, которые создавали бы иллюзию, что она находится где-то рядом и вот-вот возьмет трубку. В этом была вся Эвита – вечно ускользающая красота, что вносила в его упорядоченное существование ноту хаоса и неопределенности. С Эвитой невозможно было планировать ни будущее, ни даже настоящее, поэтому каждый день, прожитый с ней, был свеж в своей непредсказуемости.

О своем прошлом Эвита рассказывала лишь то немногое, что считала нужным, но и не требовала откровений от Антона. С самого начала между ними существовал негласный договор – не лезть в жизнь друг друга и не омрачать радость их свободных отношений излишним любопытством. Поэтому, несмотря на месяцы, проведенные вместе, Эвита оставалась для Антона таинственной незнакомкой. Он понятия не имел, чем девушка заполняла свою жизнь, когда они на время расставались. Уезжала ли из города, встречалась ли с кем-то еще, изменяла ли ему – все это было для Купцова полнейшей загадкой.

Однажды Антон пришел домой и до смерти перепугался, увидев, что Эвита – с неподвижным взором широко распахнутых глаз, обнаженная, немая и парализованная – лежит на диване. Он кинулся к ней и лишь тогда понял, что это всего лишь манекен – он как две капли воды походил на оригинал. Эвита принесла его для работы на дому. Так Купцов узнал, что она зарабатывает на жизнь моделированием и шитьем стильной женской одежды.

– Почему ты выбрала именно это занятие? – поинтересовался Антон.

– Видишь ли, все тела до ужаса одинаковые, я же одеваю их в кожаные одежды и тем самым создаю различия, – ответила Эвита, оглядывая висевшие на манекене зачатки куртки. – Я наделяю людей индивидуальностью и этим как бы преображаю реальность, придаю ей черты

искусства. Обидно ведь думать, что жизнь и искусство шагают рука об руку, но редко когда пересекаются.

Еще Эвита создавала маленькие шедевры прикладной живописи: она расписывала в абстрактной манере скучные однотонные зонты. Произведения, рожденные ее рукой, поражали цветовой необузданностью и причудливостью форм. Они словно брызгались весельем и заряжали оптимизмом. Невозможно было удержаться, чтобы не купить один из таких жизнерадостных зонтиков. Их покупали десятками. Иногда Эвита просиживала ночи напролет, выполняя сразу несколько срочных заказов. Вот и к завтрашнему дню ей нужно расписать три или четыре зонта. Если она, по своему обыкновению, начнет работать ближе к полуночи, то ляжет спать лишь под утро. А Антон, как всегда, вообще не сможет уснуть из-за сигаретного дыма: во время работы Эвита курила без перерыва – прямо в комнате, не выходя на балкон...

Кстати, о зонтиках – а где же они? – внезапно спохватился Антон. Он только сейчас заметил, что в комнате нет ни одного зонта. Обычно они валялись на полу, в креслах либо были небрежно свалены в кучу на подоконнике. Купцов вскочил с дивана и внимательно оглядел всю комнату. Не обнаружив «болванок» для расписывания, Антон заглянул в спальню, потом на кухню, в коридор и даже в туалет – зонтиков не было нигде, хотя еще вчера перед карнавалом он их видел не меньше дюжины.

Охваченный недобрым предчувствием, Антон подбежал к окну и отдернул плотную занавеску у стены. Там обычно стоял манекен, но сейчас угол пустовал, и вряд ли имело смысл искать «двойника» Эвиты в других местах. В последней надежде Антон раздвинул дверцы платяного шкафа-купе, где девушка держала одежду, однако обнаружил в нем лишь несколько собственных рубашек да ряд внезапно опустевших плечиков.

Чувствуя, как земля уходит у него из-под ног, Купцов кинулся к входной двери и увидел, что в замочной скважине торчит ключ, который накануне он, вероятно, забыл вытащить. Это могло говорить лишь об одном: Эвита забрала все свои вещи до того, как Антон пришел домой с вечеринки. Она заранее знала, что никогда больше сюда не вернется. Понимала, что Антон догадается о ее участии в преступном сговоре против него.

Что ж, «маленькая Ева» выполнила свое предназначение: она привела его в Эдемский сад, но тут же изгнала обратно в тоскливый мир, заодно столкнув лицом к лицу с неразрешимой проблемой. И вот теперь он стоит один, потерянный, у закрытых райских врат, и не знает, куда идти дальше...

Глава третья

1

Спустя несколько дней после маскарада и исчезновения Эвиты Антону снова позвонил «господин Никто». На этот раз с деловым предложением.

– Господин Купцов, – с неизменной вежливостью сказал он, – вот вы говорите, что вам трудно найти или заработать деньги и в срок расплатиться с долгом. Знаете, мы могли бы вам оказать одну ценную услугу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.